

О проблеме языкового выражения эмоций

А. А. КИРЮШКИНА

Язык является не только средством познания окружающего мира, материализуя мысль и обслуживая сферы эмоциональной, мыслительной и коммуникативной деятельности, он связан также с формированием и передачей мыслей, с выражением различных интенций, оценок и эмоций.

Человек, эмоции, язык – понятия, тесно связанные и взаимообусловленные. Поэтому неслучайно в центре внимания лингвистической науки в последние годы оказались те свойства языка, которые проявляются в различных видах коммуникации человека как активного действующего лица с его эмоциями, настроением, намерением и индивидуальной установкой.

Человек, использующий систему языка, с антропоцентрической точки зрения сводится к понятию «говорящий субъект»: акцентируется роль феномена человека «как говорящего субъекта и как главного действующего лица мира, о котором он говорит». Именно человеческий фактор порождает «противоречие между «конечностью языка» (системы) и бесконечностью речевых актов и эмоций его носителя» [11, с. 34].

Представляя собой субъективные переживания, эмоции являются одним из наиболее явно обнаруживающихся феноменов внутренней жизни человека и остаются предметом дискуссий в психологии. Следует отметить существование разногласий в определении эмоций, причины которых заключаются в различии концептуальных подходов авторов к данной проблеме. Отправным пунктом любой теории эмоций является ответ на вопрос о том, каков круг тех психических процессов, которые можно причислить к эмоциям; каковы условия и причины их возникновения; какие функции им свойственны и т.д. На наш взгляд при анализе механизмов языкового выражения эмоций наиболее привлекательной является точка зрения, согласно которой человек «переживает то, что с ним происходит или совершается, он относится определенным образом к тому, что его окружает. Переживание этого отношения человека к окружающему составляет сферу чувств или эмоций. Чувство человека – это отношение его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного переживания» [9, с. 160]. В данном определении существенны два момента:

1) указание на релятивный характер эмоций (эмоция – это всегда отношение субъекта к кому-либо, чему-либо);

2) акцентирование непосредственности эмоционального переживания.

На наш взгляд, именно эти две константы составляют сущность «типичной» эмоции, получающей номинацию в естественном языке.

Исследованию эмоций и их отображения в языке посвящено огромное количество трудов: работы В.Ю.Апресян, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Анны А. Зализняк, Л.Н. Иорданской, И.Б. Левонтиной и др.; см. также список литературы в статье В.Ю. Апресян 1995 г. Лингвисты, как и психологи, не обходят вниманием определения эмоционального состояния человека: э м о ц и и, относясь к сфере психической жизни человека, представляют собой «осмысленные явления, осознанные факторы переживаний» [С.Н. Панкратова, Т.А. Стрельцова], э м о ц и и – это «переживание человеком отношения к тому, что он познает» [Д.С. Писарев], э м о ц и я – «реакция на те раздражения, которые человек получает от окружающей среды чувством, переживаемым им душевным волнением» [Е.М. Галкина-Федорук]; э м о ц и и – «субъективные реакции человека, его переживания, возникающие под влиянием внешних факторов [В.Г. Гак]. Ч. Стивенсон понимает термин э м о ц и я как обозначение аффективного состояния, «особое психофизическое свойство, для которого

характерны стимулы и реакции так или иначе ориентированные» (разрядка наша – А.К.). Можно сказать, что эмоции – это аффективное состояние, переживание отношения как реакция на проявление реальной действительности.

К этому необходимо добавить, что продуктом «развития эмоций человека» и обобщением «конкретных ситуативных эмоций» являются чувства, которые «выражают отношение человека (разрядка наша – А.К.) к общественным явлениям, другим людям, самому себе» [9, с.169]. Если эмоции – это непосредственные переживания в момент речи, то «чувства представляют собой постоянное, устоявшееся эмоциональное отношение» [4, с. 77]. Отметим тот факт, что так же, как эмоциям, чувствам свойственна исключительная субъективность: «человеческим чувствам нельзя найти никаких аналогов в объективной действительности, ... они имеются в мире постольку, поскольку есть чувствующий индивид» [4, с. 26].

Таким образом, эмоции проявляются как экспликация внутреннего состояния человека, переживаемых им чувств. Будучи вызванными определенными мыслями, эмоции тесно связаны с мышлением. Невозможно испытывать чувства вне мыслительной деятельности, поскольку человек не существует в отрыве от когнитивных процессов – он постоянно «мыслит» окружающий мир в своем сознании: «tous les phénomènes mentaux conscients ou inconscients, visuels ou auditifs – douleurs, excitations, démangeaisons, pensées, bref, toute notre vie mentale – sont causés par des processus qui se produisent à l'intérieur du cerveau» [13, p.22].

По утверждению психологов, философов и психолингвистов эмоции человека неотделимы от его когнитивной деятельности в силу того, что «любая реальность познается во взаимосвязи логических форм мышления и эмоциональных переживаний человека» [2, с. 19–20]. Т.е. эмоции не сводимы к голой эмоциональности. «Эмоциональность, или аффективность – это всегда лишь одна, специфическая, сторона процессов, которые в действительности являются вместе с тем познавательными процессами, отражающими – пусть специфическим образом – действительность» [9, с. 552].

Эмоциональные процессы, таким образом, никак не могут противопоставляться процессам познавательным как внешние, друг друга исключая противоположности. Ср. «Le sentiment entre dans une foule de jugements, et inversement le sentiment n'exclut nullement le jugement» [12, p. 539]. Интересно отметить, что глагол «sentir» (чувствовать) Брюно Ф. относит не к разряду глаголов чувств (verbes de sentiment), а классифицирует его как глагол мысли «verbe de pensée» [12, p. 540].

Сами эмоции человека представляют собой «единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального» [9, с. 552]. И одни, и другие являются, в конечном счете, зависимыми компонентами конкретной жизни и деятельности индивида, в которой в единстве и взаимопроникновении включены все стороны психики. На когнитивную основу эмоций указывает и Арутюнова Н.Д.: «Эмоции базируются на знаниях и предположениях; когнитивный момент в них первичен относительно эмотивного» [2, с. 112]. Вместе с тем, эмоции имеют «двухнаправленный характер: они могут не только возникать под воздействием определенных мыслей, но и способны оказывать воздействие на наше мышление» [8, с. 63].

В любом мыслительном процессе, независимо от пропорций, преобладает одна из двух его основ: объективность (рациональность) или субъективность (эмоциональность): «мыслительная деятельность не может быть полностью свободной от чувств и эмоций» [10, с. 109]. Отсюда вывод о двойственной референтной отнесенности знаков с эмотивным значением. Эта двойственность проявляется в том, что эмоционально окрашенная речь одновременно репрезентирует обе стороны когнитивной деятельности человека: логическое мышление (рациональное) и эмоции, которые при их языковом воплощении требуют особого плана выражения. Иными словами, логический и эмоциональный аспекты речи говорящего не являются изолированными друг от друга, поскольку эмоции не исключают мысль.

Однако в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, эмоции очень непросто перевести в слова. Эта онтологическая трудность порождает трудность лингвистическую; слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно

дать прямое лексикографическое толкование, а порой крайне затруднительно бывает рассказать о своих чувствах, выразить переживания в речи. Гак В.Г. приводит высказывание Дидро о том, что «слов почти никогда не хватает для того, чтобы точно передать то, что чувствуешь» [5, с. 89]. Подбираемые слова кажутся недостаточно яркими и неверно отражающими различные эмоциональные состояния и их оттенки.

Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий использует различные окольные пути, обращаясь при этом к тем знаниям, которые по его предположению, уже имеются в опыте адресата. Наиболее употребительными, а может быть, и единственно возможными являются следующие два приема объяснения: «либо говорящий указывает на известную адресату ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату» [1, с. 28].

Как известно, основным онтологическим свойством лингвистического знака является двуплановый модус его существования – в языке как системе виртуальных знаков и в речи как реальном функционировании этой системы: «Язык представляет собой, следовательно, специфически организованную систему с двукратным, двойным означиванием ее единиц» [11, с. 18]. Постоянное и активное использование системы языка в различных речевых ситуациях неизбежно переносит центр тяжести на речетворчество говорящего субъекта, его коммуникативную установку. И, желая раскрыть свое эмоциональное состояние в речевом общении, говорящий сталкивается с реальным несоответствием между своей потребностью выразить чувства и внутренней данностью языка – его лексико-семантической системой. В этом случае системно-структурная организация лексики языка, ее семантическая детерминированность становится «препятствием» для интенсивного проявления эмоций в речи: говорящий стремится «победить язык» и в этом случае «интеллектуальность» как порядок языка подчиняется эмоциональности речевой ситуации» [3, с. 15].

Стремясь «преодолеть» систему, говорящий субъект не изобретает новые слова, а использует фонетический облик уже существующих единиц в качестве имени для нового обозначаемого. При этом имеющийся языковой материал используется таким образом, чтобы он подчинялся принципу «прагматической достаточности» [10]. Иными словами, говорящий создает в ситуации общения такую эмотивную семантику, которая ему необходима для достижения поставленной цели.

Переосмысление значений уже имеющихся в языке лексических единиц в их приложимости к новым образам и реалиям объясняется потребностью говорящего оказать воздействие на собеседника, высказать свое отношение не только к собеседнику, к третьему (отсутствующему) лицу, но и к другим реалиям, существующим в мире. В этом случае имеет место перенос с констатации утверждения реального факта на гамму эмоций говорящего. На первый план выдвигается эмотивная функция высказывания, тогда как референтивная отодвигается на второй план.

В языке эмоции проявляются как экспликация внутреннего состояния человека, переживаемых им чувств и ощущений. И зачастую говорящий, испытывая потребность выразить отношение к сообщаемой информации, стремление показать подлинность или имитацию эмоций, прибегает к помощи уже имеющихся в языке лексических единиц, называющих ощущения. Например:

... ma lampe d'étude et toute la ferveur de ma foi écartait mal, hélas, la nuit et le froid de mon cœur /A. Gide/;

Une onde froide lui reflua au cœur /M. Druon/;

« Comme ils sont gais ! » se dit Philippe. Il chercha sur le front gris de son père la trace d'une lumière, au moins d'une brûlure. « Oh ! décréta-t-il superbement, le pauvre homme n'a jamais aimé... » /Colette/;

Il sentit, à l'âpreté simple du ton de Vinca, que son propre accent venait de manquer tout ensemble de naturel et de contrition. /Colette/.

Подобное переосмысление вполне объяснимо тем фактом, что, с одной стороны, всякое ощущение всегда окрашено «в определенный, чаще всего специфический тон, т.е. имеет

соответствующую эмоциональную окраску» [6, с. 210], а с другой, «с особенностями переживаемых нами эмоциональных состояний связаны, вероятно, не столько сопровождающие их органические изменения, сколько возникающие при этом ощущения» [7, с. 439]. Иными словами, как эмоции сопровождаются определенными ощущениями, так и ощущения имеют определенную эмоциональную окраску.

Таким образом, в речи может возникнуть несоответствие между внутренней данностью языка как закрытой лексико-семантической системой и потребностью говорящего выразить свое внутреннее «Я». Иными словами, говорящий – со специфическим видением мира и разнообразными эмоционально-оценочными проявлениями в нем – способен преобразовывать языковую систему в соответствии со своими коммуникативными целями и потребностями, реализуя прагматическую сущность языка. Для передачи эмоционального состояния и отношения в системе языка существует особый пласт эмотивной лексики: ее использование является нормой. Однако лексические единицы, непосредственно обозначающие чувства и эмоции, с субъективной точки зрения говорящего часто оказываются семантически и экспрессивно «недостаточными» для того, чтобы в момент речи передать «накал» его эмоционального состояния. И, стремясь к самовыражению, говорящий использует не общепринятые средства, а те лексемы, которые в момент речи и переживаний ему представляются наиболее эффективными для демонстрации собственной нормы («индивидуального стандарта») оценок.

В целях достижения наиболее эффективного выражения субъективного «Я», говорящий использует не лексику чувств в ее прямом значении, а нейтральные единицы (в анализируемом нами случае номинации ощущений) в переносном значении, закрепленном словарем, например:

*Il ... remontait la rue de Londres quand il vit trotter devant lui une petite femme qui avait la tournure de Mme de Marelle. Il sentit une **chaleur** lui monter au visage, et son cœur se mit à battre /Maupassant/.*

Иногда говорящий сам создает переносное значение:

*Il acquiesça de la tête, referma la fenêtre et les vitres tendues de tulle le refoulèrent vers l'abîme nocturne où le remous d'un souvenir s'étirait, **noir, onctueux, prélassé** /Colette/.*

Переносное значение является языковым манифестантом психологического состояния говорящего, отражая намерение последнего передать не сообщение, как таковое, а выразить свое эмоциональное состояние, отношение, желание оказать воздействие на собеседника, что переводит высказывание в нереферентную область – область эмоционального отношения говорящего.

Эмоциональное состояние говорящего субъекта приводит в действие две взаимосвязанные потребности – с одной стороны, высказать эмоциональность своего «Я» в момент речи, а с другой – выразить ее нестандартно, как результат использования «новой» лексики, в отличие от уже имеющихся в языке обозначений эмоций.

Выбор и использование лексем с переносным значением напрямую зависит от говорящего субъекта – от его сугубо индивидуального восприятия окружающей действительности, эмоциональных состояний, ассоциативного мышления, языковых данных и т.д.

«Нестандартное» использование языковых единиц связано с реализацией коммуникативной установки говорящего. Окаzionaliальные эмотивы как речевое выражение состояния говорящего субъекта формируют эмотивно-оценочный компонент высказывания.

Наличие компонента с переносным значением в структуре высказывания приводит к смещению событийной референции последнего в непредметную область – сферу чувств и эмоций.

Непосредственная обращенность к собеседнику обусловлена потребностью говорящего донести до него свои эмоции, отношения, желания. Предпосылкой создания окаzionaliальных эмотивов на базе номинаций, называющих ощущения, является тот факт, что говорящий субъект, находясь в эмоциональном возбуждении, в момент речи ассоциативно избирает те лексемы, которые позволят ему наиболее эффективно выразить свое эмоциональное состояние. Раскрывая, таким образом, свое психологическое состояние и воздействуя на собеседника, говорящий субъект использует в речи индивидуальный эмотивный язык.

Abstract. This paper is dedicated to the study of occasional emotives presented through the nominations of feelings. The author examines the speech behavior of the speaker and his emotional-evaluative attitude to the real state of affairs as the subjective perception of the latter, and the emotive-evaluative component of the utterance as a result of the speech production of the speaker and his intention – the manifestation of the emotional state, attitude. That's why the problems of subjective nomination as a result of a shift or a loss of semantic reference appear to be in the centre of attention.

Литература

1. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоции / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова; под ред. Г.В. Степанова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Богушевич, Д.Г. Принцип прагматической достаточности и структурные характеристики языка / Д.Г. Богушевич // Материалы юбилейной научн. конф., Минск, 21– 22 мая 1998г.: в 3 ч. / МГЛУ – Минск, 1998. – Ч.2. – С. 5–7.
4. Бороздина, Г.В. Основы психологии и педагогики: учеб. Пособие / Г.В. Бороздина – Мн.: БГЭУ, 2004. – 384 с.
5. Гак, В. Г. Эмоции и оценка в структуре высказывания и текста / В.Г. Гак // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 80–93.
6. Мягков, И.Ф., Медицинская психология: учебник для вузов / И.Ф. Мягков, С.Н. Бокков, С.И. Чаева; под ред. И.Ф. Мягкова. – М.: Логос, 2003. – 320 с.
7. Немов, Р.С. Общие основы психологии. / Р.С. Немов. – М.: Владос, 2003. – 687 с.
8. Процко, М.А. Эмоции говорящего и эмотивный компонент высказывания / М.А. Процко // Прагматический и социокультурный аспекты единиц французского языка: сб. научн. ст. / МГЛУ; под ред. А. Н. Степановой. – Минск, 2004. – С.60–65.
9. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. /С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 713 с.
10. Степанова, А.Н. Очерки-размышления и цитации о прагмасинтаксисе французского языка: имя и его детерминативы. /А.Н. Степанова. – Мн.: МГЛУ, 2000. – 279 с.
11. Уфимцева, А.А. Семантика слова /А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. / Н. Д. Арутюнова [и др.]; под ред. Н.Д. Арутюновой и А.А. Уфимцевой. – М.: Наука, 1980. – С. 5–80.
12. Brunot, F. La pensée et la langue. Méthode, principe et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français / F. Brunot. – P. : Masson et Cie, éditeurs, 1965. – 982 p.
13. Searle, J. Les phénomènes mentaux / J. Searle // Du cerveau au savoir : Conférence. – Reims, 1985. – P. 19–25.